

ТИФЛИССКІЯ ВЪДОМОСТИ.

1831-го ГОДА.

Выходящъ по Средамъ и Суб-
ботамъ. Въ годовомъ изданіи
104 №; въ полугодовомъ 52.

Годовая цѣна за Кавказомъ;
7 р., полугодовая 4 р. сер.
по Россіи 35 р. и 25 ас.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кутаисъ, 14-го Января. Въ теченіе
винушаго Декабря, въ Империнскомъ Времен-
номъ Правленіи очищено великою слѣдую-
щихъ товаровъ: мануфактурныхъ, шелковыхъ,
бумажныхъ, льняныхъ, полунелковыхъ, полубу-
мажныхъ, шерстяныхъ, — сахара, кофе, раз-
ныхъ винъ, уксуса, масла, соли, табака, сыра,
лайковыхъ и сафьянныхъ издѣлій, сока апель-
синоваго, жести английской, разныхъ духовъ, по-
вады, оселковъ для правленія бривъ, песка,
мыла, ешекла въ дѣль, посуды, каменной, перца
зерноваго, стали въ дѣль и не въ дѣль, мѣди
въ дѣль и не въ дѣль, серебряныхъ и золотыхъ
издѣлій, струвъ для синія бумаги, бумаги пис-
чей, Турецкой и хлопчатой, раковинъ черепа-
ховыхъ, ореховъ, кокосовъ и миндаля, ладану,
разныхъ бронзовыхъ издѣлій, перламутровыхъ
и шомпоковыхъ, линяра въ дѣль, рыбныхъ,
костяныхъ и роговыхъ издѣлій, желѣза въ дѣль
и не въ дѣль, дерева въ дѣль, пенко-
выхъ издѣлій, карандашей, фруктовъ сы-
рыхъ и сухихъ, аптекарскихъ матеріаловъ,
мягкой рухляди, картинъ живописныхъ и
ландкаршъ, — всего на 135,887 руб. 98½
коп. серебромъ и на 23,715 руб. 20 коп. ас-
сигнаціями и мѣдью, да Крымской соли на 1155
рублей ассигнаціями.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ.

КРАСНОЕ ПОКРЫВАЛО.

Любви на сердце отражены—
Небесной радуги цвѣта:
Она ярка, она чиста,
Она свѣта, какъ вдохновеніе!

Съ карандашемъ въ рукѣ сидѣлъ я
на восточномъ кладбищѣ Арзерума,
срисовывая одинъ весьма красивой над-
гробникъ въ видѣ часовни. Осеннее
солнце клонилось за далекія горы Ла-
зиспана. Ярко ошдѣлялись на заревѣ
зубчатые стѣны города, кошорый во-
сходилъ въ гору ступенями и надъ
нимъ въ вышинѣ грознымъ спражемъ
возникалъ замокъ, и надъ замкомъ
сверкала Русскія пушки, вѣялъ Рус-
ской орелъ крылами. Сполновидныя
райны перевышенныя башнями, успре-
мленными въ небо, не колебаясь спол-
ли вдали, и спройные минареты ме-
чешей, сверкала золочеными маковками
казались огромными свѣчами шеплю-
щимися предъ лицемъ Аалы. Долгія
стѣны надгробныхъ камней полной схо-
дили въ долины, и за кладбищами, раз-
сыпанными по всемъ окрестнымъ хол-
мамъ Арзерума, какъ стадо лебедей

что Эриванская Провинция по счастливому, своему местоположенію и климату, соединяетъ въ себѣ сокровища, которыя въ прочихъ мѣстахъ свѣтара распределены по разнымъ полосамъ и встрѣчаются только на большихъ разстояніяхъ одно отъ другаго.

Почва земли. Черноземъ попадаеши болѣе между Эриванью и озеромъ Гокчаемъ, по берегу рѣки Занги; черноземъ, смѣшанный съ глиною, составляетъ грунтъ сѣвернаго берега Гогчая; топкія и непроходимыя болоша находяща близъ устьевъ обѣихъ Кара-су; солонцоватая почва между Араксомъ и Арарашомъ; известковый камень, съ песчанникомъ, облепленнымъ глиною, есть вряжъ самыхъ низкихъ ошлогосшей горы. (*)

II. Состояніе народа.

а) Народонаселеніе.

1. **Число народа.** Въ Эриванской Провинціи считаеши болѣе 22,350 дворовъ, то есть около 113000 душъ обоюго пола.

2. **Отношеніе народонаселенія къ пространству земли.** Сравнивая шаковое народонаселеніе Эриванской Провинціи съ пространствомъ оной, получимъ слѣдующую пропорцію: какъ 1 къ 8, то есть на каждую квадратную версту причисляется по восьми душъ обоюго пола. Взвѣсивъ же во вниманіе горы, болоша и другія физическія невыгоды сей провинціи, а также и самый образъ жизни кочующихъ народовъ, коихъ считаеши въ провинціи болѣе 16,000 душъ обоюго пола, можемъ рѣшишельно сказать, что половина пространства неспособа къ населенію и не населена, а пошому пропорція 1: 16 будешь правильнѣе предыдущей.

3. **Раздѣленіе народа, по сословіямъ, племенамъ и исповѣданію.** Жители Эриванской Провинціи можно раздѣлиши на два главные класса: 1.) на осѣдлыхъ, кои обитають въ Эривани и по селеніямъ, занимаюсь хлѣбопашествомъ, и 2.) на кочующихъ.

1. **Осѣдлые.** Въ городѣ Эривани, числиши 1806 дворовъ Магомешанскихъ, 525 Армянскихъ

(*) *Естественныя произведенія, по всемъ шремъ цѣрешвамъ природы, весьма подробно изчислены въ упомянутой ешашъ Г. Шопена.—*

и 402 переселенцевъ Азербиджанскихъ, изъ коихъ малая часть исповѣдываетъ Магомешанскую, а оспальныя Армянскую вѣру; и шого Эривани считаеши 2731 дворъ.

Хлѣбопашцевъ во всей Провинціи числиши 16,450 дворовъ, изъ нихъ Магомешанскихъ болѣе 4000, Армянскихъ 4680 и переселенцевъ Азербиджанскихъ 3770 и Балзешскихъ, Карскихъ и Арарумскихъ 4000.

2.) **Кочующіе** народы состоять изъ 3,153 дворовъ или семей и раздѣляются на слѣдующіе четыре главные племена: Куртинцевъ, Сеиджукскихъ Турокъ, Карапапахцевъ и Цыганъ.

а.) **Куртинцы** раздѣляются на два рода, по исповѣдываемой ими Магомешанской вѣрѣ: Шинты и Суниты. Поколенія Шинтовъ, ш. е. послѣдовавшей Алиевой секши, носятъ слѣдующія наименованія: Милли и Карагорлу, коихъ считаеши 400 дворовъ, Алиханлю 35 и Пусланъ 109. Суниты принадлежали многочисленному племени Зиланъ, перешедшему послѣ войны съ Персією въ предѣлы сей Державы. Оспались нѣкозначенныя поколѣнія въ слѣдующемъ числѣ: Бирюки 181, Джалали 224, Миланъ 3, Ирадани 15, Сибыки 1, Джоники 1, Чамамлю 1, Арзанлю 1, Гельтури 1 и Халисанлю 1. И шого Шинтовъ считаеши 544, а Сунитовъ 426 дворовъ или семействъ.

б.) **Сеиджукскіе Турки**, завладѣвъ Сѣверо-Западною частію Арменіи и основавшись въ оной, распространили свои поселенія до средней Арменіи, известной подъ названіемъ Арарашской; отъ нихъ произошли слѣдующія поколѣнія: Айрюмлю, коихъ считаеши 654, Сейдлю 108, Ахсаханлю 119 и Тащанлю 10, и шого 891 дворъ.

в.) **Казахцы**, поселившіеся въ нѣмъ шольшій въ нынѣшней Казахской дистанціи и пошественно переходившіе въ Арменію, дѣлятся на два главные племена: Чобонкаръ и Карапапахцевъ. Чобонкары состоять изъ нѣкозначенныхъ поколѣній въ слѣдующемъ количествѣ: Бекю Чобонкара 88, Сараклю 88, Кичилъ Беклю-89, Кафарлю 84, Демюрталю 30, Шихларъ 18 и Караконлю 23. А Карапапахцы: собственно Карапапахцы 677, Чахирлю 42, Келани 21, Джамкилли 5, Карабагаларъ 22, и Кернибанлю 10. И шого Чобонкаръ числиши 420, а Карапапахцевъ

сарскій и Ведибасарскій—главное мѣсто селенія Колмарю, гдѣ Сардаремъ въстроены домъ для Магальнаго Наиба или Начальника; 3-е, Шарурскій—главное мѣсто селеніе Енецжа съ крѣпостицею; 4-е, Дараситаскій—главное мѣсто селеніе Рандомидъ; 5-е, Карнибасарскій и Абарацскій—главное мѣсто Есмѣадзинскій монастырь; 6-е Сардарь-Абатскій, Талынскій и Саатлю—главное мѣсто крѣпость Сардарь-Абатъ; 7-е. Сурмадинскій, Кульницскій и Парганскій—главное мѣсто селеніе Кизиль-Закирь, гдѣ находится каменный домъ для Магальнаго Наиба.

Изъ сихъ главныхъ мѣстъ примѣчательнѣйшія сунъ:

а) Эрисань. Городъ Эрисань, лежащій при рѣкахъ Зангъ и Киръ-булакъ, состоитъ изъ сажмаго города и крѣпости. Крѣпость имѣетъ двѣ довольно высокія стѣны, упирающіяся въ лѣвому берегу рѣки Занги, который и составляетъ четвертый фасъ оной; прочія три стороны окружены ровомъ. Стѣны сіи построены изъ глины, смѣшанной съ соломой и каменникомъ. Для полученія воды, находящейся спускъ, огражденный полуразрушенною глиняною стѣною; сверхъ того проведены въ крѣпость подъ землею водопроводы съ Сѣверной стороны изъ рѣки Занги, а съ Юго-Восточной изъ Киръ-булака—водопроводы сіи теперь почти со всѣмъ запущены.

Городъ заключаетъ въ себѣ, какъ выше замѣнили, 2731 дворъ, что составляетъ около 14000 душъ обою пола.

У крѣпости чрезъ рѣку Зангу построенъ каменный мостъ, четыре версты ниже онаго есть переправа въ бродъ, а выше въ нѣсколькихъ верстахъ другой каменный же мостъ.

б.) Есмѣадзинскій монастырь. Сей первопрестольный монастырь Армянскаго исповѣданія состоитъ изъ 3-хъ церквей, окруженныхъ каменною стѣною; покойный Патриархъ Эфремъ, спаралъ велически украсилъ сіе святилище и умножилъ зведенія онаго.

Теперь въ немъ находится два завода кушущаго масла и кирпичный, просторные сады, огороды, погребъ, гдѣ всякой годъ производится огромное количество вина, при монастырѣ выдѣлываемаго, Армянскія школы, хлѣбно амбары,

обѣдешныя залы, зимняя и лѣтняя, на 300 человекъ, приемный домъ, въ которомъ можетъ помѣститься до 1000 человекъ; онъ расположенъ въ при эшажа, комнаты чисто обставлены, въ немъ имѣются базаръ, конюшни, и проч.

в.) Крѣпость Сардарь-Абатъ. Крѣпость Сардарь-Абатъ находится отъ Эсмѣадзина въ 20 верстахъ, по лѣвую сторону большой дороги въ Гумы, на ровномъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Аракса, изъ котораго и вода проведена въ крѣпость. Стѣны высокія и составляютъ продолговатый четырехугольникъ, на длинныхъ бокахъ онаго находится по 6, а на короткихъ по 4 башни; кругомъ стѣнъ глубокий ровъ, наполняемый водою изъ водопровода; укрѣпленіе сіе имѣетъ въ окружности 40 версты; внутри онаго находится до 700 обыкновенскихъ домовъ, Сардарскій дворецъ и обширный садъ, на самой срединѣ.

г.) Исчисленіе народонаселенія въ Магалахъ и образъ жизни кочующихъ.

Халбопашцевъ счисляется въ Магалахъ:

1-я	—	—	—	—	1800	дворовъ.
2-я	—	—	—	—	2750	—
3-я	—	—	—	—	1800	—
4-я	—	—	—	—	730	—
5-я	—	—	—	—	2150	—
6-я	—	—	—	—	870	—
7-я	—	—	—	—	2180	—

Къ сему исчисленію должно прибавить 4900 дворовъ переселенцевъ Вилешскихъ, Карскихъ и Арзумскихъ, кои въ почное мѣсто пребываніе еще не описано.

Кочующіе же народы проводятъ зиму, съ многочисленными своими стадами, въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ каждое племя имѣетъ свои дома; по наступленіи весны, они поднимаются въ горы, и чѣмъ становится жарче, тѣмъ слѣдуютъ выше до вѣчныхъ снѣговъ, кои въ Арменіи высокія мѣста по большей части покрыты; при наступленіи осени, они равнымъ образомъ постепенно спускаются, а къ зимѣ возвращаются въ свои зимовники (вишляги).

Сии зимовники и вочевья находятся въ слѣдующихъ Магалахъ: часть поколѣній Шилли, Кара-горлю и Алаванлю занимаетъ зимою восточный

береть Гогчайскаго озера, а лѣтомъ кочуешь на близъ лежащихъ горахъ; часть же живешь и кочуешь въ верхнемъ Гарни и Ведибасарахъ.

Покольнiе *Пусилъ* занимаешь зимою въ Шарурскомъ Магалѣ деревни сего имени, а лѣтомъ кочуешь въ верхней части шого же Магала, около Гогчая и Даралгеза.

Бурюки зимуютъ въ Ведибасарскомъ Магалѣ, близъ береговъ Аракса, а лѣтомъ поднимаются на высоту Гезалбара и Карандуга, около рѣки Агридаи.

Джалали проводятъ зиму на правомъ берегу Аракса, около Макинскихъ границъ (*), а лѣтомъ кочуютъ на обоехъ Арарашахъ и къ сѣвероу Алашкердъ.

Прочія Куршанскія покольнiя разсѣяны по деревнямъ, гдѣ занимаются въ пашухи.

Часть *Адриюлю* живешь и кочуешь въ Дарачичарскомъ и Нарчанскомъ Магалахъ, часть же около Гогчайскаго озера.

Сейдлю и *Ахсалю* имѣють свои деревни на Южной и Восточной сторонѣ горъ Алагезскихъ, а лѣтомъ поднимаются нѣсколько выше, гдѣ находятъ лучшiя пашбищныя мѣста.

Таманю занимають Талынъ, на высотахъ котораго проводятъ лѣто.

Бсюкъ-Чобонкара зимуютъ Загидбасарскаго Магала въ селенiи Шорлю-Мегмендляръ. Часть *Саггалю*—Гарнибасарскаго Магала въ деревнѣ Сануца; а другая часть около Гогчи. *Копфарлю*—шого же Магала въ селенiяхъ Новрузлу и Сирбаганъ. *Карандюлю*—въ селенiи Джювлюкъ. Одна часть *Кернибеклю*—Шарурскаго Магала въ селенiяхъ Карабурунъ, Ахкендъ и Тазакендъ; часть же за Араксомъ въ Гарнибасарскомъ Магалѣ. *Демюргалю*—Шарурскаго Магала въ селенiи Дагнакендъ. *Шилляръ*—Ведибасарскаго Магала въ деревнѣ Хорварабъ. Всѣ сiя народы лѣтомъ кочуютъ на Южныхъ высотахъ Гогчайскаго озера.

Каранпашцы, Ажамкилли и *Кернибаилю* живутъ и кочуютъ на Южной сторонѣ Гогчая.

Карабагары зимуютъ Гарнибасарскаго Магала въ селенiи Нурчо, а кочуютъ также около

(*) Мивинскiй Округъ, принадлежащий Персiи, прилегаетъ къ Эриванской Провинци; рѣка Араксъ и горы Арарашскiя служатъ границею между ними.

Гогчая.

Келани занимають высоты Даминъ-Дар-жаманскiя, въ верхней части Ведибасарскаго Магала, гдѣ проводятъ лѣто и зиму.

Наконецъ *Цыгане*: часть *Каратей* живешь Гарнибасарскаго Магала въ деревнѣ Чапаханлю; оснальная же часть съ *Мютриюнами* занимаешь Бошакишлякъ въ Шарурскомъ Магалѣ; во время лѣта они не имѣють постоянного мѣста для кочевки:—*Боша* жиреетъ и лѣтомъ и зимою въ городѣ Эривани.

Изъ сiихъ народовъ одни только Чобонкара, Сувишскiе Куршинцы и Цыгане совершенно не занимаются хлѣбопашествомъ. Первые, имѣя въ значительномъ количествѣ рогатый скотъ, лошадей, овецъ и козъ, бывають принуждены, по необходимости, часто переимѣнять пашбища и вести кочующую жизнь; а лѣнныя Цыгане промышляютъ только вороблю, показываемымъ зѣбрей и змѣй, дѣлаемъ рѣшеровъ, и т. п.

Единственное обстоятельство, которое могло бы заставило кочующихъ народовъ безъ принужденiя быть осѣдыми есть лучшее населенiе Провинци; ибо въ такомъ разѣ пустопорожнiя мѣста были бы заняты и кочующiе, по необходимости, принуждены бы были взять осѣдлость въ какомъ либо назначенномъ для нихъ мѣстѣ. Впрочемъ Чобонкарцы, не будучи хлѣбопашцами, приносятъ большую пользу, выславая въ значительномъ количествѣ вьючный скотъ, по требованiю Правительствъ.

IV. Образъ Управленiя.

Эриванскiя Провинци, вмѣстѣ съ Нахичеванскою, составяяетъ часть называемую Армянскую Область, которая управляется Областнымъ Правленiемъ, находящимся въ Эривани, подъ предѣдательствомъ Областнаго Намѣстника, Магала же или Округа состоятъ въ завѣдыванiи Магалныхъ Намбовъ, выбираемыхъ изъ природныхъ жителей.

Всѣ вообще дѣла, какъ гражданскiя, такъ и уголовныя, рѣшаются на основанiи нашихъ общихъ узаконенiй; впрочемъ въ плѣбныхъ дѣлахъ предоставлено жителямъ право разбираться

сл между собою по существовавшимъ при Персидскомъ Правительствѣ обычаямъ.

Кочующіе народы въ Эриванской Провинціи управляются двумя Султанами. Въ завѣдываніи перваго—*Ширъ-Мурадъ-Султана*—состоитъ по колелія живущія и кочующія по берегу Абарани, въ Дарачицкомъ ущельи и около Гогчайскаго озера; подъ управленіемъ втораго—*Асланъ-Султана*—находящаяся повоинія, имѣющая свои зимовники по берегу Аракса.

СМѢСЬ.

ПИСЬМА ИЗЪ ТИФЛИСА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо III.

Не знаю въ какую пору ты получилъ послѣднее письмо мое, но если одинъ изъ неутомимыхъ Меркуріевъ С. Пешербургскаго Почтамта поднесъ тебѣ оное даже и въ шѣ часы, когда всѣ подобныя тебѣ бережливыя козлева, пользуясь послѣднимъ слабымъ свѣтомъ исчезающаго дня узнають всѣ предметы оцупью, но и шумъ безъ сомнѣнія ты по объему догадался, что подносимая тебѣ масса бумаги должна содержать посланіе отъ велеречиваго швоего друга. Сегодня я принялся за перо въ швердомъ намѣреніи соблюдать болѣе лаконизма, но изъ перваго прищупа чувствую, что плодovitость моя едва ли не завлечетъ меня далеко за предѣлы эпистолическаго размѣра. Числожъ дѣлать: „ковень, на которомъ я ѣзжу, имѣетъ свой покровъ, и порой завошишь меня за шридешишь „земель въ шридешиное дареніе прошишь воли;“ сказала одинъ изъ старыхъ и пришифнишихъ нашихъ знакомыхъ въ письмѣ, при коемъ препроводилъ ко мнѣ прелѣшнѣйшій подарокъ. Ты вѣрно догадаешься объ комъ и объ чемъ я говорю: A bon entendre demi mot.

„Знаю!“—Ошвѣчаешь ты мнѣ съ кошаршнѣемъ: „Но не могу догадаться къ чему подобное шредикъ словіе. Ты вѣрно собираешься вновь душишь меня Челядиновыми.— Пора тебѣ дашь мнѣ какое нибудь пошншіе объ Тифлисъ.“—Нѣшъ, любезный другъ, еще не пора! Дай мнѣ пообжишься, поосмошрѣшься. Не ужели ты хочешь меня завлечь въ разрядъ шѣхъ прозорливыхъ наблюдашелей, кошорые къ два при дня успѣвають разглядѣшь и разпознашь въ доль и въ поперекъ цѣмый обширный край. Довольно вздора и безъ меня писали о Кавказскихъ шгранахъ, въ особенностіи иноштрапцы. Въ нашъ вѣкъ при вещи не ешавяшся въ шину: укрась у сосѣда собаку, надушъ пришела лошадыю и солгашь объ опдаленномъ край. Послѣднее однако же позволишешъ шольво въ ошншении къ публикѣ; а какъ я пишу для шебл, Любезный Другъ, то желаю бышь какъ можно болѣе осмошрительнымъ въ сообщаемыхъ тебѣ свѣдѣніяхъ. Но, дабы передать тебѣ въ семь писемъ хотя нѣчто ошрода, объясно Грузинское слово *Рамбаил*. Прешесное, выразиштельное слово, вошешднее здѣсь во всеошбщее упошребленіе и между Русскими. Чшобы дашь тебѣ полное пошншіе о смыслѣ онаго, шпоишь мнѣ шольво накомнишь общую нашу знакомую въ небольшомъ Германской городкѣ N ***, жившую надъ шипографією, гдѣ печаташлась газеша, и прошишь кошорой, въ минушу досады, выпустишь я небольшую эшиграму въ видѣ шмѣски надъ ворошамми:

Здѣсь новосени всѣ узнаюшся:

Въ низу газешы издаюшся,

Въ верху же шлешни всѣ плешущя.

Это была Царица всѣхъ городскихъ Рамбаилъ. Французская пошловица говоритъ: „Богъ создалъ въ одно время маленькіе города и дурныя языки.“ Можно безошбочно сказать: „Богъ создалъ въ одно время Тифлисъ и Рамбаилю.“ Рамбаилъ дѣлится на два рода: одна ешть произведеніе базара, на семь издѣліи Азіатской выдѣлки изображаюшся красками иногда шлишкомъ

яркими, иногда разбросанными съ странною пестрошю, различныя событія военных, торговых, и проч. Товаръ сей съ базара развозился по домамъ множествомъ разнощиковъ, изъ коихъ каждый перемалывалъ его по собственному вкусу и соображалъ се вкусомъ того, кому онъ его отнеситъ. Новый прибрѣшатель передаетъ его другому съ своими прибавленіями, и шакъ далѣе. Наконецъ чрезъ сіе странное смѣшеніе красокъ прежила основа едва остающаяся примѣшью, и сіе самое поддерживаетъ кредитъ базара, ибо каждый, получая каршину въ столь искаженномъ видѣ, швердитъ, что видно на базарѣ она была какъ слѣдуешь, что вѣрояно она имѣетъ свое основаніе, извлеченное изъ истины и наконецъ что изъ чего нибудь да она взята. И до полученія новаго шовара всѣ умы заняты разгадкою сей энигмы. Другаго рода Рамбавія составляется въ кругу обитавшаго въ Тифлисѣ Европейскаго общества. Она есть произведеніе изобрѣшательной праздности и близкаго наблюденія за слабостями ближнихъ. На семь издѣлій изображаются семейственыя шайны, чужія несчастія, соблазнительныя событія, и разныя еплетни. Лишь шолько сей шоваръ успеешь вышши изъ фабрики, какъ его хватаютъ съ жадношю. Онъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Его разносятъ и развозятъ въ экипажахъ чешернею, на дрожкахъ, верхами и пѣшкомъ. Каждый его крошитъ на свой покрой и ладъ. Являюща съ нимъ на улицахъ, въ господиныхъ, на вечерахъ; словомъ вездѣ. Каждый разсматриваетъ его со всѣхъ сторонъ, переворачиваетъ его какъ ему вздумается, присокоупляетъ къ нему разныя пещрыя ласкушки, и носитъ его по всему городу до износа.

Вошь шебъ аллегорическое изображеніе, изъ коего ты можешь легко себѣ составить ясное понятіе о Тифлиской рамбавіи. Теперь прислушимъ къ факшамъ. Когда я пріѣхалъ въ Тифлисъ господствующая здѣсь Рамбавія была, что городъ къ новому году долженъ непременно провалиться

сѣ. Съ ужасомъ говорили, что одна изъ горъ, обрѣзающихъ Тифлисъ начала уже разрушаться; большыя взбирались шуда во дворы, и вѣнчалась спрашными вѣшнями пугали народъ. Многіе изъ жителей собирались въ выходу изъ города; но мѣры Правительства остановили безпорядки. Я шожѣ вѣдиль смощрѣль сіе необыкновенное явленіе, о которомъ шла шакая сильная рамбавія въ городѣ. Изъ самой вершины довольно крупной горы, въ небольшой желобинѣ, отдѣлялся отъ общаго края кусокъ сажени; по шю окружношю. Явленіе не необыкновенное въ горахъ. Настало 12 часовъ 31-го Декабря, передомъ шараго года съ невымъ: гуль подземный молчалъ, земля была неподвижна, и успокоились препещущія сердца обитавшелей Тифлиса. Вскорѣ благодѣшительный сонъ закрылъ ихъ вѣжды и на другой день проснувшись каждый въ удивленію увидѣлъ Тифлисъ на шаромъ своемъ мѣстѣ. — Для два посмѣлялись надъ шарою рамбавіею, а пошомъ изобрѣшательныя умы стали шрудиться надъ изысканіемъ новой.

Прощай до новой рамбавіи.

НАВРУЗЪ.

Наврузъ, или Нуразъ, есть праздникъ, который Персіане принимаютъ шеперь въ помѣ значенія, какъ мы Новый Годъ; онъ бываетъ у нихъ въ день весенняго равноденствія. Турки и другіе Мусульмане не празднуютъ его. Начало обычая сего въ Персіи отнесать ко временамъ самымъ отдаленнымъ, и это не подвержено никакому сомнѣнію; но весьма различно шолкують происхожденіе его: одни говорятъ, что его ввели Гебры, поклонники огня, первые обитавшели Персіи, въ честь какого то Ангела, которому посвященъ былъ, по тогдашнему вѣрованію, сей день; другіе отнесать его еще къ отдаленнѣйшимъ временамъ, объясняд

шорештвенное празднованіе его шѣмъ, что Богъ въ сей день началъ дѣло своего шоренія и даль дѣйженіе и жизнь плещамъ. Если шикже мѣкій въ пользу позднихъ время, напримеръ, что *Джамшидъ*, четвертый Царь, изъ поколѣнія *Джюма*, построивъ Персеполь, въ день весенняго равноденствія, впервые вошелъ въ оный и установилъ праздникъ въ воспоминаніе сего событія. Нынѣшніе Персіане, совершенно соглашася въ мифіи о древнемъ началѣ праздника *Наврруза*, полагаютъ, что они празднуютъ сей день уже, по смыслу персидской ихъ религіи, въ воспоминаніе возшествія *Аліа*, установленнаго ихъ секты, на высокую стѣну Калифа, что будто бы совершилось въ день весенняго равноденствія. Какъ бы то ни было, Турки персидскую публично укоряли Персіанъ за *Навррузъ*, говоря, что они починаютъ праздникъ, установленный во времена идолопоклонства.

Навррузъ въ Персіи есть почно народный всеобщій праздникъ, въ которомъ всѣ, отъ малаго до великаго, принимаютъ самое живое участіе; большая часть черни, не углубляясь въ исторію и религію, празднуютъ его какъ день окончанія зимы, начала весны, обновленія природы и счастья всеобщей радости. Мы сами слышали шолковаче подобнаго рода весьма отъ многихъ Персіанъ. Въ сей день *Шахъ*, со всею дворомъ своимъ, Министрами и знатными особами выезжаетъ изъ столицы въ поле, и останавливается въ лагерь, который за благовремѣнно учреждается изъ войскъ, нарочно на сей случай собираемыхъ; на открытомъ мѣстѣ воздвигается великолѣпный Царскій шатеръ и посреди оного шпръ. Выступъ съ восхожденіемъ солнца начинаются веселья всѣхъ родовъ, какія Азіатская праздность могла доселѣ придумать; всѣ поздравляютъ другъ друга, обнимаютъ и желаютъ счастья въ самыхъ пышныхъ и цѣшущихъ фразахъ. Являясь съ поздравленіемъ къ Царю, всѣмъ Министръ Правитель области, Начальникъ какого племе-

ни, званій вельможа, чиновникъ ~~и др. др. др.~~ или, облаченъ подчесши подаркомъ ~~и др. др. др.~~ но съ мѣстою или занимаемымъ и съ доходами оного; таковой обычай *дарить* относится шакже ко временамъ древней Персіи. Посредствомъ сихъ подарковъ къ *Шаху* спешающія самыя лучшія произведенія и вещи всего Персидскаго Государства. Ежегодно повторяемый обычай сей почти определенно установилъ уже икру приношеній отъ каждаго мѣста и званія, и шогля кончено потеряется и мѣсто и званіе, кто рѣшился съ своимъ подаркомъ уменьшить сію мѣру. Подарки, приносимыя *Шаху* въ день *Наврруза*, вообще большой цѣны, и простирающія отъ тысячи до ста тысячъ шумановъ отъ одного лица (шуманъ шонитъ 4 серебряныхъ рубля).— Путешественникъ *Морье* (*Morier*) рассказываетъ, что въ 1808 году, бывший Министръ Финансовъ и Правитель Испаганской области, *Гаджи-Магомешъ Гуссейнъ-Ханъ* въ день *Наврруза* представлялъ *Шаху* *шекетъ* (*), состоявший изъ 55 кашероковъ, изъ коихъ каждый покрывъ былъ прекрасной кашемирской шалью и несъ въкохъ съ шелью шуманами. Увѣряютъ, что подарки, которые получаютъ *Шахъ* въ день *Наврруза*, цѣною равняются двумъ пятнамъ частямъ всей суммы Государственнаго дохода.

Равнымъ образомъ *Аббасъ-Мирза*, всѣ прочія дѣши *Шаха*, всѣ правители и вельможи получаютъ отъ своихъ подчиненныхъ подарки болѣе, или менѣе важныя. Всѣ знакомые посылаютъ въ сей день другу конфетныя и другія сласти.

(*) Персидское слово, означающее подарокъ.

видѣлся лагерь военный, расположенный при входѣ въ Байбуршское ущелье. Картина развися передо мной была великолѣпна, пѣнишерна и забывъ рисунокъ свой я весь поглощенъ былъ созерцаніемъ видовъ окрестныхъ: сумерки облекали въ свои шаиншвенныя краски все дикое, все рѣзкое при сіяніи дневномъ и насѣляли пустошу мечшами, даль мыслями. Городъ ропшалъ какъ засыпающій великанъ, но за то предмѣстія спановились шѣмъ шумѣй предъ закрытіемъ воротъ. Всѣ дороги къ нимъ ведущія, сокрытыя игрою холмовъ, въ коихъ онѣ прорыты, замѣтны были только по облакамъ пыли, надъ ними кипящей. Спада сѣвшили съ поля въ городъ и изъ города на водопой. Кривъ погонщиковъ, гремяе ослиныхъ позвонковъ, дѣливое мычаніе буйволовъ, нешерпѣливое ржаніе боевыхъ коней—сливалось въ шумъ подобный спору моря съ утесами. Жизнь говорила вдали, но за то какая мершвая тишина лежала кругомъ меня! Грозна была громада города, но еще грознѣй облегало его войско смерщипи—безчисленное множество спощихъ камней казались воинами, спремяющимися на приступъ неопразимый. Сколько поколѣній жившихъ за эшими крѣпкими стѣнами, невольно покинули ихъ, чтобы лечь въ прахъ у спощихъ могильныхъ камней, и сколько еще родовъ и народовъ заснетъ здѣсь сномъ безпробуднымъ!—Кладбище! бездна, ничѣмъ не наполняемая и вѣчно несыпая—ужель безвозмездно работаешь на шебья жизнь? Ужели волны пвои грозятъ

пошопишь нѣкогда всю область ея? Кладбище, говорю я, но что такое вся земля какъ не исполинское кладбище!—Какъ здѣсь гробъ изъ гробъ, кощипи на востяхъ; шакъ вездѣ на каждомъ шагу пощираемъ мы основы праощцевъ, памяшники народовъ, обломки первобышнихъ мировъ, изъ коихъ созданъ міръ нашъ. Можешь бышь прахъ опрясаемый съ нашихъ ногъ смѣшанъ съ прахомъ вощочныхъ Царей давно исплѣвшихъ, давно забытыхъ; и кшо щипалъ пещинки въ часахъ судьбы?—Можешь бышь чрезъ мѣсяцъ вѣщербъ, освѣжающій лице мое въ жаръ полудня, разнесетъ мой прахъ далеко, далеко!—И по чему эша мысль какъ льдина пала на сердце? Миѣ ли бышь вѣчнымъ на земли, когда пыщелѣшнія деревья падають съ подножій ровесниковъ шворенія, когда гранищъ распадается ошъ дѣханія времени и подъ шяжкою пищюю его сокрушающся всѣ памяшники бышія, даже не бышія челошкковъ! Посмощрише кругомъ: сколько плищъ, вѣковъ, вѣрв другъ на другъ: Идолопощлонники, Огнешпощлонники, Мусульмане, Хрищпіане. Подъ камня цвѣщущаго пещпрыми свѣжими арабесками вощпаешъ въ землю шяжелое надгробіе, сѣдое мохомъ древносщипи и пушникъ напрасно разбщраешъ невѣдомыя на немъ руны—судьба сщладила ихъ съ камня, какъ языкъ на коемъ они писаны изъ памяши народовъ, какъ самый народъ говорившій имъ съ лица земли! *Самыя кладбища имѣють судьбу свою, сказалъ Ювеналъ: „Data sunt ipsae quoque fata sepulchris.“*

Глубокая, горестная истина! И гдѣ суждено мнѣ пасть въ обвѣстїя сырой земли? Гдѣ исплѣтѣтъ мой прахъ и сопрушится надъ нимъ тѣниное надгробіе? На родинѣ или въ чужбинѣ пожрутъ меня уста эшаго непонятнаго сфинкса—могилы? Сохраню ли я въ другомъ мїрѣ здѣшнюю самобытность, или лучшею только частію моею сольюсь съ другимъ лучшимъ цѣлымъ? Оживетъ ли въ ней память обв эшой жизни, иль только пророческіе сны, едва намекающіе о давноминувшемъ, будутъ какъ и здѣсь ея удѣломъ? Наконецъ судьба человѣчества эшого вѣчнаго *Я* равно въ границахъ извѣстнаго времени и пространства, какъ въ безпредѣльномъ горизонтѣ вселенной, въ безднѣ вѣчности. . . . увлекла меня въ даль недолепную, но смѣлая дума напрасно порывалась взлѣтѣть надъ безвѣстнымъ океаномъ, какъ прошивъ вихря чайка прибрежная.

Грохотъ заревыхъ барабановъ во всѣхъ концахъ города перешоривающихъ другъ другу спройными переборами, извелъ меня изъ глубокой думы.....гулъ его доходилъ до меня шепля отдаленіемъ суровость свою—и звукъ флейшъ, оканчивая каждое колѣно, лился подобенъ милому голосу женщины, вслѣдъ за грознымъ кликомъ воина, Муэззины звали и молише. — Заревая пушка грянула въ лагерь, — эхо горъ отвѣчалъ ему долгимъ перекашомъ—и наконецъ вездѣ воцарилось молчаніе.—Тихо низпалъ флагъ на башню замка....побѣдный орелъ свилъ

крылья свои. Солнце сѣло.

Но не вдругъ сошла дѣнь вѣтеръ респнность: прозрачный туманъ медленно развивалъ свою креповую завѣсу—медленно увивалъ чалмою главы горъ; тѣни и пары густѣли постепенно;—и вопъ золошопкрытый мѣсяцъ вспорхнулъ на небо обычной спезей своей— и мои думы опять покинули землю прошивъ воли и безвѣдома сердца.

Скажете отъ чего на полѣ бишвы, даже послѣ бишвы, когда уже сердце начинаешъ проспывашъ отъ запальчивости, отъ негодованія, отъ мести; когда миновала опасность и вниманіе не занято службою, отъ чего, спрашиваю, видя расшерзанные чугуномъ и желѣзомъ прупы, въ крови, въ пыли, обнаженные, разбросанные по землѣ, слыша стонъ безнадежно раненыхъ и хрипѣніе умирающихъ—душа воина не содрагается. Смерть кругомъ его, смерть вездѣ, кромѣ его мыслей.—Самый прусъ не дастъ вамъ опчета чего онъ боится въ дѣлѣ, чего ужасаетъ послѣ? Его спрашитъ сабля, пуля—онъ хотѣлъ бы избѣжать раны, спасти жизнь—но никогда ясна мысль о смерти не представляется его уму крупящемуся въ вихрѣ разныхъ ощущеній. Ему нѣкогда думашъ отъ робости, отъ стыда; опважному отъ горячности, отъ жажды опличія, отъ заняпій по должности; каждый шагъ занятъ дѣломъ или любовнышствомъ, нешерпніемъ или боязнію, что прежде чѣмъ успѣетъ рассудить, онъ уже увлеченъ въ на-

спояла передъ незнакомкою—но она не видала, не слыкала меня. Красное покрывало ея опброшено было съ лица—и какъ прелестно, какъ выразительно было блѣдное лице ея обращенное къ небу! . . . на полуразрытыхъ коралловыхъ устахъ исчезало казалось рожище—и дико блуждали въ пространствѣ черныя ея очи.—Какая безобразная горестная печаль была на этомъ высокомъ челѣ, какое гордое опухшее сверкало изъ щипъ безслезныхъ очей, какія горькія жамобы шались въ этой блѣднѣющей груди, волнуемой вздохомъ неразрѣшимымъ!.. Ешь чувствва, которыхъ не держало еще выразить ни поэтъ, ни живописецъ—такое безмолвное чувство шрешало въ каждой жилкѣ красавицы . . . Сердце мое сжалось, и глубокое соучастіе вырвалось рѣчью.... Тонъ голоса смягчилъ нескромность вопроса., Ханумъ! (Госпожа) сказала я ей по Ташарски (*), „ты вѣрно оплакиваешь роднаго?“

Турчанка вздрогнула, но не закрыла лица по общему обычаю Азіатокъ: властительное чувство шоски убило въ ней всѣ другія заботы. Назалось она пробудилась онъ шяжкого сна моимъ голосомъ... Взоры ея остановились на мнѣ—но опшвѣвъ ея былъ едва внященъ—она будто разговаривала съ сердцемъ своимъ.... Да, я оп-

(*) Ташарскій языкъ Закавказскаго края мало отличенъ отъ Турецкаго и съ нимъ, какъ съ Французскимъ въ Европѣ, можно пройти изъ конца въ конецъ всю Азію. Пр. Сет.

лаживаю роднаго, сказала она.—Онъ былъ мнѣ всё на земли: опшвѣвъ мой, любовникъ, супругъ!—Какъ заботливою родилась онъ далъ мнѣ повою душу... какъ ибжный родственникъ лелѣлъ меня—какъ шпрасный женихъ любилъ меня—и я любила его.“ Примолвила она.—Но это слово пронзило мою душу... Она склонила голову на скапый судорожно рука.

„Ушвѣвшись красавица, сказалъ я швой милой шеперь въ Раю.“ Лице ея всыжнуло., Да, онъ споллъ любви самихъ небожителейицъ Гурій еще на землѣ!“—Опшвѣчала она:—„Но я знаю его сердце—оно бы спало и съ ними грустншь о вѣрной подругѣ, которая для самаго Азрафила не измѣнишь ему и мершвому. Ибвъ, ревность моя къ небу была бы напрасна. Не въ рай Магомета—въ рай Аллы улешѣла свѣтлая душа его—онъ былъ Христіанинъ!“ „Христіанинъ?“ Вскричалъ я, опшпуная онъ удивленія. . . „Но ктожъ былъ онъ?“

„И ты Русской спрашиваешь кто былъ онъ, и воинъ ты не зналъ шоварища, и человекъ съ живымъ сердцемъ не имѣлъ его другомъ!—Бѣдный, бѣдный—я жалю тебя!... Когда онъ былъ живой я опдала бы жизнь за то чтобъ онъ любилъ одну меня—когда онъ убишь, я бы хотѣла что бы всѣ его любили какъ я... Но кто шакъ узнаешъ, шакъ горячо полюбишь его, какъ я?.. Ангелъ было имя души его; моей душой (джаибъ-ашна) я звала его—другаго имени не вѣдала и не хотѣла я узнать!“ Я склонился къ надгробному камню вонзенному спол, и въ са-

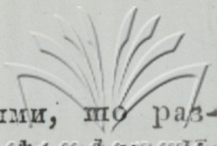
момъ дѣлѣ увидѣла на немъ грубо вы-
сеченный крестъ и подъ нимъ надпись:
„Здѣсь покоится прахъ, умершаго ошъ
раны полученной въ сраженіи близъ ...
Поруч. . . Влад. . .“ далѣе не могъ я ра-
зобрать—нижня часть доски разбила
была пулями—въ нее кажется кто-то
спрѣлалъ въ цѣль. Учасіе еще нѣж-
нѣйшее овладѣло мною когда я узналъ,
что она любила моего одноземца. Мнѣ
спало жаль оставишь ее въ такой
часъ опаснымъ встрѣчамъ. Я вспом-
нилъ, что за два дня нашли во рву
крѣпостномъ убилиую дѣвушку—жерт-
ву ревности, вчера двухъ женщинъ
на улицѣ: осмѣленные выходомъ Рус-
скихъ мстишельные мужья плашили
кинжалами можешъ быть за мнимыя
невѣрности; ласковой взгляды былъ
пресшупленіе въ глазахъ изувѣровъ.
Желая напомнишь ей о поздней порѣ
я сказалъ: „Милая (ман-азизумъ)—
Солнце давно уже закатилось!“,

„Мое солнце и не взойдетъ, го-
рестно возразила она. Ни крикъ пѣ-
луха, ни звонъ шрубы, ни даже мой
голосъ не разбудитъ его ушромъ. . . Мои
жаркіе поцѣлуи не ошкроюшъ его очей,
щеки не улыбнутся мнѣ, ушна не мол-
вятъ слова радостнаго!“ Нѣжное вос-
поминаніе расшопило ледяную кору
поски—и въ при ручья брызнули сле-
зы; она горько заплакала. Когда я оч-
нулся, щеки мои были влажны. „Сестра,
сказалъ я ей наконецъ, ты здѣсь
не безопасна. Я честной человекъ—до-
вѣрься мнѣ: я провожу тебя куда ты
хочешъ къ мечети ли предмѣстія
или въ знакомой домъ. Иначе наши

могушъ обидѣшь себя, или свои скле-
вешаешь. Вели: я швой защитникъ!“

Негодование изобразилась на лицѣ
ея; съ величавой осанкою подняла она
голову и съ гордымъ взоромъ указала
мнѣ на небольшой кинжалъ скрытый
подъ парчевымъ ея архалукомъ. „Рус-
ской, произнесла незнакомка, скорѣй
это лезвее, чѣмъ рука мужчины, косне-
тся моей груди: я умѣю умереть. . . Я
ужь умерла для клеветы сосѣдей, для
мести родныхъ. Пускай они все ви-
дятъ, все знаютъ. Прежде съ кровью
не испоргли бы изъ меня пайны лю-
бви моей—теперь я рада всякому, вездѣ
говоришь о ней. . . въ эшомъ моя
гордость, мое ушѣшеніе!— У меня ужь
нечего опнимашъ, мнѣ ужь нечего бо-
ляпъся. Бывало и звѣзды ночи, не поль-
ко злоба людей, не видали шаговъ мо-
ихъ къ милому—тогда мнѣ дорого и
спрашно было завшра. Теперь у меня
нѣтъ завшра! Здѣсь ночь, здѣсь зим-
няя ночь!“—Примолвила она, положивъ
руку на чело, пошомъ на сердце. . .
„Онъ унесъ въ могилу свѣтъ изъ очей
и шеплошу изъ сердца—на его могилѣ
хочу я умереть, что бы въ ней смѣ-
шались прахи наши, а за ней наши
души!“

Она сдѣлала рукой знакъ чшомъ въ
удалился, склонила колѣни и погрузи-
лась въ молишву. Напрасно я говорилъ
ей, напрасно уговаривалъ:—слухъ ея
былъ далеко и шруи слезъ сверкали
на лицѣ озаренномъ луною. Ошдалась
шаговъ на сорокъ, я рѣшилъ охра-
нять ее до разсвѣта. Неодолимое чув-
ство, можешъ быть еще нѣжнѣйшее
участіа, приковало меня къ судьбѣ

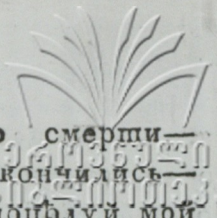

ех. . . „Нещастная, думалъ я, для по-
 го ли гордое чувство любви возвыси-
 ло тебя надъ полною одноземокъ, до-
 сшупныхъ только рабскому страху
 или презрительному корыстолюбію
 даже и въ томъ что онѣ называютъ
 любовью; надъ полною невѣдающей
 иныхъ наслажденій кромѣ чувственно-
 сти, другихъ занятій кромѣ дѣтскаго
 щеславія—что бы оставишь посреди
 ихъ въ пустынѣ. Для чего ли упала
 завѣса съ твоего разума, что бы ты
 яснѣе увидѣла бездну горя. Для чего
 ли чистый пламень спрости утончилъ
 все твое существо, что бы ты живѣе
 ощутила съ сердцемъ жало разлуки, раз-
 луки вѣчной!! Какая подруга теперь
 пойметъ тебя, какая грубая забава
 утѣшитъ? Твой милой сорвалъ тебя,
 какъ цвѣшокъ, съ корня расписель-
 ной жизни и на своихъ крыльяхъ ум-
 чалъ въ новую, прекрасную жизнь
 умешвенную—но спрѣла смерти прон-
 зила его въ поднебесье—и тебѣ не ды-
 шать болѣе воздухомъ эшаго подне-
 бесья,—не приростъ снова въ землѣ!“

Колоколъ главной караульни горо-
 да прозвучалъ въ часовъ ночи. Кру-
 гомъ все спало мертвымъ сномъ. Лишь
 изрѣдка перекликъ спражи, да лай со-
 бакъ раздавались въ крѣпости и въ
 шанѣ. Опершись о надгробной обло-
 мокъ я пробѣгалъ взорами горизонтъ
 стѣсненной мракомъ и шуманомъ. Сза-
 ди меня чернѣлъ городъ и только надъ
 замкомъ сверкали два луча—это были
 ружья часовыхъ. Пары слоились, вол-
 новались по дикимъ, обнаженнымъ хреб-
 тамъ окрестныхъ горъ. То возникали

они причудливыми зданіями, по раз-
 ходились серебрянымъ блескомъ. Не
 шакъ ли думалъ я, вьюшѣя вѣтеръ
 чны около сердца обнаженного ошъ
 зелени радости!“ Но между горъ одна
 высокая вершина не-была облечена пе-
 леной шума и разщепленная молні-
 ми вершина сія во всей дикости воз-
 вышалась надъ моремъ паровъ. . . „Ду-
 ша высокая—вошъ твоя участь: для те-
 бя недосшупны мечтательныя на-
 дежды—не тебѣ земныя утѣшенія!“

Но кто тамъ скачетъ по гробни-
 цамъ извлекая изъ нихъ молнію?—Это
 Османъ. Бѣлый конь его мчится какъ
 осѣданный вихрь и полосатый плащъ
 (чуха) влублился во мглѣ подобно обла-
 ку. . . Рука моя неволью взвела ку-
 рокъ дисполеша, ибо ненависть Ту-
 рокъ ознаменовалась не однимъ шай-
 нымъ убійствомъ. Но всадникъ вдругъ
 осадилъ коня—привсманъ на спремь-
 нахъ—спрашно сверкающъ очи подъ
 бѣлой его чалмою. . . окладистая чер ая
 борода обвемлетъ безкровное лице—
 онъ кого то ищетъ, онъ нашелъ свою
 жершву. Снова конь взмахнулъ розо-
 вой гривой и въ при поскока онъ
 уже былъ на могилѣ Русскаго, надъ
 кошорой на колѣняхъ молилась прек-
 расная незнакомка. Я видѣлъ какъ
 взвился на дыбы конь всадника, видѣлъ
 какъ сверкнула сабля подобно рогу
 луны сквозь шучу—слышалъ какъ не-
 поняшное для меня проклятіе огласило
 воздухъ—и за нимъ крашкой, но не-
 выразимо пронзающей спомъ. . . Но
 все это свершилось въ одно мгновение
 ока и когда я кинулся шуда—крас-

ное покрывало было уже распроспер-
шо по землѣ. Завидѣвъ меня злодѣй съ
свирѣпою радостію устремилъ на меня
бурнаго жеребца своего и съ кликомъ
„Христіанъ шази!“ (Христіанская со-
бака)—взмахнулъ саблею. Онъ бы на-
вѣрно изрубилъ и спощалъ меня,
еслибъ пуля не вспрѣшила его на лешу.
Огненный фоншанъ брызнулъ, и саб-
ля врата, упавъ съ высоты, звучно ра-
злетѣлась на шрое. Испуганный конь
кинулся въ сторону, но еще всадникъ
держался на немъ. Качаясь по началу
онъ вдаль, упалъ на гриву, и когда бѣ-
женный бѣгунъ перепрынулъ черезъ
водоходъ, онъ исчезъ у меня изъ виду.

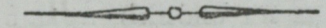
Волнуемъ предчувствіемъ поспѣ-
шилъ я къ незнакомкѣ—она уже не су-
ществовала!— Сабельный ударъ раз-
сѣкъ ей плечо до сердца, и только
лице ея не было облино кровію. Чер-
ныя косы рассыпаны были по плещъ,
кошорую обняла она руками. Прицавъ
на колѣна, я долго вглядывался въ чело
ея, леденѣющее поспешенно: спрахъ
не успѣлъ согнать съ него грусти
глубокой, и уста казались разверсты
были не спомомъ, а вздохомъ любви.
Я хошѣвъ обманушь себя, увѣришься
чно румянецъ пробивается порой
сввозъ снѣговъ бѣдности, чшо дыханіе
жизни колеблетъ щеки—ишѣвъ ... всё
прошло ... всё кончилось ... душа ея
проникла уже великую загадку, кошо-
рую шавъ спрашно и шавъ напрасно
разгадывалъ я недавно. „Пожалѣшь
или поздравить тебя красавица?“—Ска-
залъ я проиннушъ шихою горестію,—
„Какъ бы шо нибыло—если и не встрѣ-

шишь ты друга за дверью смерти—
швои земныя спраданія кончилисъ—
покойся!,, Прощальный поцѣлуй мой
сошелъ на холодное ея чело—и я задер-
нулъ шрушъ краснымъ покрываломъ.

На ушро съ зарей мы выспунили
обратно въ границы Россіи. Я могъ
догадывашься кшо былъ любовникъ
убишой красавицы, но кшо была она,
кшо шиковъ убійца, ошецъ ли, братъ
ли, супругъ ли ея—не знаю. Всѣ мои
развѣдки ошались безплодными ... Она
и онъ для меня канули будшо въ воду—
но воспоминаніе обѣ ужасной карши-
нѣ еще горячо на сердцѣ, и я до сихъ
поръ содрогаюсь встрѣчая красное
покрывало.

А. Б.

Дагестанъ.
1831.

СТАТИСТИКА.

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ЭРИВАН- СКУЮ ПРОВИНЦІЮ (*).

I. Физическое положеніе.

1. Границы. Эриванская Провинція граничитъ
къ Северу съ Дисшанціями Шурагельскою, Бом-
бахскою, Казахскою и Шамшадилскою и Уздомъ
Елисаветопольскимъ, ошъ коихъ ошдѣляется го-
рами; къ Востоку—съ Нахичеванскою Провинціею
пограничная черта между ними находится на
лѣвомъ березѣ большого или Шарурскаго Арпа-
ча; къ Югу граничитъ съ Персіею и Баязет-
скимъ Пашалыкомъ, ошъ коихъ ошдѣляется рѣ-

(*) Въ предъидущихъ нумерахъ Тифлисскихъ
Вѣдомостей помѣщена нами прекрасная статья
Г-на Шопена о богатствѣ Эриванской Провин-
ціи. Дабы дать полное понятіе о сей Провин-
ціи, предъшавляемъ здѣсь читателямъ общій
Статистическій взглядъ на оную. Изд.—

кою Араксомъ и горами; къ Западу—съ Карскими Пашалыкомъ, ошь коего ошдѣляется горами и рѣкою малымъ или Западнымъ Арпачемъ.

2.) *Пространство.* Эриванская Провинція лежитъ между 61° и 64° Восточной долготы и между 41° и 39° Сѣверной широты. Она простирается ошь самой сѣверной оконечности, по ошь границы съ Вомбахскою Диспанціею, до самой южной на 140; а ошь восточной, по ошь ошь урочища Даралагезъ, до западной на 180; въ окружности же заключаетъ около 14,600 квадратныхъ верстъ.

3.) *Горы.* Сѣверная граница Эриванской Провинція покрываетъ хребтомъ горъ, нѣющихъ ошь Западу къ Востоку слѣдующія наименованія: *Гаракаскскія, Алаезскія, Баратскія, Маральджинскія* (или *Оленьи*), *Давъ-Натагскія* (или горы нездоровыхъ ключей), *Сивуль-Булаескія* (холодныхъ ключей), *Джанъ-Танскія* (теплой буторъ), *Кирхитлийскія* (паршывы) и *Ода-Танскія*, кои оканчиваются урочищемъ Даралагезомъ. Неодоходъ до онаго верстъ за пять, сей сѣверный хребетъ ошдѣляется ошь себя въ направленіи на Юго-западъ ошраслъ горъ, простирающіеся по южному берегу озера Гогчи; ошраслъ сіа, за селеніемъ Мейданъ, дѣлился на двѣ, изъ коихъ одна идеть къ Сѣверо-западу, по западному берегу озера, къ берегамъ рѣки Занги, а другая простирается на Югъ до самаго устья большого или Шарурскаго Арпачая, впадающаго въ Араксъ нѣсколькими рукавами на границѣ съ Персіею. Ошь сего пункта, по всей Южной границѣ и частію Западной, простирающіяся хребты горъ *Аратскихъ* (большой и малой Араратъ), *Келлатогене-Гедуен*, *Ха-Гедуен*, *Джегенлу*, *Зор-Гедуен*, *Гуджаг-Гедуен*, *Аблайли-Гедуен*, *Аббасъ-ел-Гедуен*, *Джибранль-Гедуен*, *Аджамсын-Ада*, *Парлы*, *Шаравъ*, *Хашъ-Хайъ* и гора *Кар-оглы*.—По Сѣверо-западной границѣ простирающіяся упомянутыя горы *Гаратасккія*.

4.) *Воды.* *Озеро Гогчи* или *Севана* находится въ Сѣверо-Восточной частіи Эриванской Провинція и окружено со вѣхъ споройъ горами. Оно нѣетъ въ длину болѣе 60, а въ ширину около 25 верстъ. Нилгода замерзаетъ и заключаетъ въ себя воду арскую, пошорал, но увъ-

ренію кочующихъ тамъ Ташаръ, нездоровъ и не годится ни для питья, ни для варенія пищи. На семь озеръ находится ошроу съ Армянскими монастыремъ, называемымъ *Севанъ* или *Вованъ*. Какъ само озеро, шалъ и рѣки, въ ошобъ впадающія, изъ коихъ примѣчательнѣйшія ошь: *Валыкскія, Тохлужу* и *Агриджа*, изобилуютъ разными родами рыбы: господствующій и вкуснѣйшій естъ форель.—Рѣки Тохлужу вытекаютъ изъ горы *Джанъ-Танъ*, а *Агриджа* изъ *Кир-кишли*; ошбъ заключаютъ въ себя воду здоровую.

Рѣка Араксъ, имѣя истокъ свой въ Арзеруискомъ Пашалыкѣ, близъ городка *Колли* изъ горъ, ошдѣляющихъ сей Пашалыкъ ошь Балхешскаго, впадаетъ въ рѣку *Куру*, на обоудной границѣ Карабагской и Талышинской Провинція, проишь селенія *Давиашъ*, принадлежащаго Ширванской Провинція, и ошдѣляется съ Юга Армянскую Область и Карабагскую Провинцію ошь Персидскихъ владѣній.

Рѣка сіа принимаетъ въ себя: съ правой стороны, *Южную Кара-су*, вытекающую изъ *Ара-рата*, а съ лѣвой: *Малый Арпатъ*, притекающій на Западнымъ границамъ Эриванской Провинція и Шурегельской диспанція, *Сѣверную Кардъсу*, *Абаранъ*, вытекающія изъ горъ *Алаезъ*, *Большой* или *Восточный* или *Шарурскій Арпатъ*, вытекающій изъ сѣвернаго хребта близъ ущелья *Даралагезъ*: между средними рукавами, на кои Арпачай раздѣляется, при своемъ устьѣ, находится селеніе *Шаруръ*, по коему оный и называется Шарурскимъ.

Рѣка *Занга* соединяетъ собою Араксъ съ озеромъ *Гогчаемъ* и протекаетъ мимо Эривани. Она бы могла бытъ весьма важною въ снѣжнѣшескомъ отношеніи, еслибъ была судоходною. Прочія же рѣки, коковы *Кобаръ Чай*, *Ади-Джанъ*, *Кизиль-Ванкъ-Чай* и другія, по своей маловодности, не заслуживаютъ особеннаго вниманія. Вообще всѣ рѣки, орошающія Эриванскую Провинцію, изобильны рыбою, и имѣютъ много бродовъ: даже самый Араксъ лѣтомъ судоходимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, кои находятся выше и проишь *Ечмиадина* и Эривани.

5.) *Мѣстоположеніе, качество почвы и климатъ.* Справедливо замѣчаетъ *Господинъ Шапелъ*